
ЛЕДОВЫЙ ТРЕНЕР
ТОМ 1
СССР
АНДРЕЙ СТАЛЕВ

Андрей Сталев

Ледовый тренер. Том 1

«Автор»
2026

Сталев А.

Ледовый тренер. Том 1 / А. Сталев — «Автор», 2026

Вчера он готовил олимпийских чемпионов XXI века, а сегодня очнулся в теле молодого тренера на окраинном катке Москвы 1978 года. В эпоху, где у СССР еще нет ни одного олимпийского золота в женском одиночном катании, а за сложные каскады и дерзкую музыку чиновники грозят отстранением.У него нет связей в Спорткомитете, дефицитных коньков и права на ошибку. Зато есть знания будущего, жесткий характер и девчонка-подросток, которую все списали как «неперспективную».Ему предстоит сломать косную систему, переписать историю мирового льда на тридцать лет вперед и доказать всем: советские фигуристки способны творить невозможное. Холодная война начинается на льду!

© Сталев А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Дисклеймер 5
Глава 1. Холодный лед 6
Глава 2. Советский быт и «группа здоровья» 9
Глава 3. Алмаз в грязи 12
Глава 4. Уговор и разведка боем 15
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Андрей Сталев
Ледовый тренер. Том 1

Дисклеймер

Данное произведение является художественным вымыслом и относится к жанру альтернативной истории. Все события, хронология соревнований, методики тренировок и спортивные результаты изменены автором в угоду сюжету и не претендуют на документальную точность.

Главные герои являются плодом воображения автора. Любые совпадения с реальными людьми (живущими или жившими ранее), тренерами, спортсменами, спортивными функционерами и событиями носят случайный характер. Упоминание реальных исторических личностей, спортивных обществ и турниров используется исключительно для создания атмосферы эпохи СССР конца 1970-х годов.

Глава 1. Холодный лед

Последнее, что я помнил — ослепительный свет прожекторов «Мегаспорта» и резкая, выжигающая сознание боль за грудиной. Финал Гран-при, моя девочка только что чисто приземлила четверной лутц, трибуны ревут, я вскидываю руки… и темнота. Никакого туннеля, никаких ангелов. Только гулкий, металлический звон, будто кто-то ударил ломом по рельсу прямо над ухом, и пронизывающий до костей холод.

Я судорожно втянул воздух. Легкие обожгло сыростью и густым, ни с чем не спутымым запахом: старой резины, прелой шерсти, затхлого дерева и свежей ледяной крошки.

Я открыл глаза и уставился в облупленный потолок, покрашенный когда-то в унылый салатовый цвет.

— Очнулся? Ну, слава богу, Виктор Сергеевич. А то я уж за «скорой» бежать собрался.

Надо мной склонилось морщинистое, небритое лицо мужика в засаленной телогрейке и кроличьей ушанке с оторванным ухом. В руках он нервно теребил толстые брезентовые рукавицы.

Я попытался сесть, и тело отозвалось тупой, ноющей болью в правом колене и ломотой в затылке. Руки, которыми я уперся в продавленный дерматиновый диван, были не моими. Мои ладони — в пигментных пятнах, с обручальным кольцом и старым шрамом от конька на левом запястье — исчезли. Вместо них были крепкие, мозолистые кисти молодого мужика.

— Где я? — хрипло выдавил я. Голос тоже был чужим — густым, баритонистым, с легкой хрипотцой.

— Где-где… В раздевалке ты, Сергеич, — усмехнулся мужик, поправляя съехавшую набок ушанку. — На катке. Поскользнулся ты у бортика, когда лед заливали, и приложился затылком об угол. Минут десять в отключке лежал. Я уж думал, всё, откатался наш мастер спорта.

Я медленно сел, сжимая виски. В голове, словно файлы в переполненном компьютере, начали распаковываться чужие воспоминания. Картинки мелькали быстро, обжигая сознание: детский дом в Подмосковье, жесткие тренировки в ЦСКА, серебро на всесоюзных соревнованиях, затем — страшный вывих и разрыв связок на приземлении с тройного сальхова. Крест на карьере. Списание в утиль. И вот эта каморка при старом районном катке на окраине Москвы.

Виктор Сергеевич Громов. Двадцать восемь лет. Холост. Живет в крошечной однокомнатной хрущевке в Текстильщиках. Работает детским тренером в спортивной секции при заводе «АЗЛК».

Я обвел взглядом крошечную тренерскую. На стене — выцветший плакат с олимпийским мишкой и отрывной календарь. Я прищурился, вглядываясь в черные цифры.

14 октября 1978 года. Суббота.

— Твою ж мать… — выдохнул я, чувствуя, как по спине пробежал холодок, не имеющий ничего общего со сквозняком из-под двери.

Семьдесят восьмой год. Брежневский застой. До Олимпиады в Москве еще два года. И до эпохи, когда наши девчонки начнут штамповать четверные прыжки и забирать все золото мира, еще почти сорок лет.

— Ты это, Сергеич, может, домой пойдешь? — участливо спросил мужик в ушанке — память услужливо подсказала, что это заливщик льда дядя Вася. — У тебя ж через пятнадцать минут группа здоровья на лед выходит. Малявки эти, пузатые. Я их сам разгоню, скажу — тренер приболел.

— Нет, — резко сказал я, поднимаясь на ноги. Колено неприятно щелкнуло, но выдержало. — Не надо никого разгонять, дядя Вася. Я в порядке.

Я подошел к тусклому, потемневшему по краям зеркалу, висевшему над раковиной. На меня смотрел крепкий, сухопарый парень с угловатым лицом, упрямым подбородком и темными, слегка растрепанными волосами. Взгляд — колючий, тяжелый. Не мой, и в то же время — уже абсолютно мой. Похоже, прежний Виктор Громов от удара об лед ушел навсегда, уступив место мне — сорокавосьмилетнему заслуженному тренеру России, который за свою жизнь довел до олимпийского пьедестала троих чемпионов.

Я опустил взгляд на стоящие в углу коньки. Старые, потертые «Ботасы» с потрескавшейся кожей у щиколотки и лезвиями, которые, судя по всему, точили последний раз при Хрущеве. Рядом на вешалке висела темно-синяя шерстяная олимпийка с белыми полосами на рукавах и потертыми буквами «СССР» на груди.

В 1978 году у Советского Союза было всё: непобедимые пары Родниной, гениальные танцоры Пахомова и Горшков, сильные мужики-одиночники. Не было только одного — ни единой олимпийской медали в женском одиночном катании. Вплоть до самого развала страны советские фигуристки будут проигрывать американкам, немкам из ГДР и австрийкам. Потому что здесь, в семидесятых, всё строится на «школе» — бесконечном, нудном вычерчивании идеальных кругов на льду, на балетной классике и страхе перед сложными прыжками.

Я натянул синюю олимпийку, застегнул металлическую молнию до самого подбородка, быстро зашнуровал старые «Ботасы» — руки сами вспомнили привычный узел — и сунул в карман тяжелый механический секундомер.

— Ну, поглядим, что тут у вас за лед, — пробормотал я, толкая обитую дерматином дверь в коридор.

Коридор встретил меня звонким детским галдежом, стуком лезвий по деревянным настилам и запахом мандаринов, которые кто-то чистил на скамейке. Заводской крытый каток «Москвич» выглядел именно так, как и полагалось ведомственному сооружению конца семидесятых: облупленная масляная краска на стенах, тусклые лампы дневного света под высоким потолком, гудящим от старой вентиляции, и деревянные борта, иссеченные тысячами ударов.

Я вышел к калитке и шагнул на лед.

Лезвия тупо скользнули по поверхности — заточка ни к черту, желобок почти сточен, да и сам лед дядя Вася залил неровно, волнами. Но тело помнило каждое движение. Не обращая внимания на ноющее колено, я сделал пару широких дуг, заложил глубокую подсечку назад и резко затормозил у самого бортика, подняв веер ледяной крошки.

— Ого! Виктор Сергеевич, вы сегодня прям как на первенстве Союза! — раздался с трибуны ехидный женский голос.

Я обернулся. К бортику, скрестив руки на груди, подошла полная женщина лет пятидесяти в вязаной кофте поверх спортивного костюма и с неизменным свистком на шее. Память сразу выдала досье: Антонина Павловна Кравцова, старший тренер секции и по совместительству местный завуч. Дама с железным характером и методичками образца 1956 года в голове.

— Добрый день, Антонина Павловна, — спокойно кивнул я. — Разминаюсь.

— Ты мне не разминайся, Громов, — строго поджала она губы. — У тебя сдача нормативов по обязательным фигурам через три недели, а твои оболтусы до сих пор восьмерку ровно вычертить не могут. Вон, смотри, как надо!

Она кивнула в сторону дальней половины поля. Там, под присмотром другого тренера, десяток детей в одинаковых темных рейтузах и вязаных шапочках уныло, со скоростью сонных мух, ползали по льду, уставившись себе под ноги и пытаясь вывести циркулем лезвий идеальные круги.

Я смотрел на это и едва сдерживал усмешку. Вот она — главная болезнь фигурного катания семидесятых. Часами стоять на одном коньке, вырисовывая узоры на льду, убивая скорость, резкость и взрывную силу. Через двенадцать лет обязательные фигуры вообще отменят,

и фигурное катание превратится в настоящую атлетику. Но здесь и сейчас за эти круги дают половину всех оценок на соревнованиях.

— А вон ту девчонку я тебе, пожалуй, переведу в общую группу здоровья, — вдруг добавила Кравцова, кивнув в самый угол катка, за ворота. — Намучилась я с ней. Никакой дисциплины, одну отсебятину порет.

Я проследил за ее взглядом и замер.

В дальнем углу, подальше от глаз старшего тренера, каталась худая, угловатая девчонка лет тринадцати. На ней были старые, сбитые набок белые коньки со слишком мягким голенищем, растянутый свитер с чужого плеча и сто раз заштопанные рейтузы.

Но меня поразила не ее бедность. Я смотрел на то, как она двигается.

Девчонка разогналась вдоль борта, на безумной для этого разбитого льда скорости зашла в дугу, резко стопорила зубцом и взлетела вверх.

Я невольно затаил дыхание. Высота прыжка была сумасшедшей. Крутка — резкая, плотная, почти современная, разве что руки она прижала к груди чуть с опозданием. Три оборота в воздухе — чистый, звонкий тройной тулуп! На приземлении ее повело, мягкий ботинок не удержал голеностоп, и она с грохотом рухнула на лед, проехав на боку пару метров до самого бортика.

— Морозова! — взвизгнула Антонина Павловна, багровея лицом. — Опять?! Я тебе сколько раз говорила: какие тройные, у тебя «параграф» не сдан! Встань немедленно, покалечишься — кто отвечать будет?!

Девчонка молча поднялась, отряхнула снег с колен и упрямо сжала губы. В ее глазах не было ни слез, ни страха — только злая, колючая решимость. Она снова поехала на разгон, явно собираясь повторить попытку.

В груди у меня екнуло так, словно я снова стоял у бортика «Мегаспорта». Я видел сотни таких девчонок за свою карьеру. В СССР 1978 года для нее закрыты все двери: для ЦСКА она слишком «неправильная» и дерзкая, для балетной «школы» — слишком резкая и прыгучая. Ее спишут в утиль через пару месяцев, и она пойдет работать на завод или в бухгалтерию, так и не узнав, что родилась на сорок лет раньше своего времени.

— Оставьте ее мне, Антонина Павловна, — негромко сказал я, не сводя глаз с девчонки.

Кравцова осеклась и уставилась на меня как на умалишенного.

— Кого? Морозову? Да она ж неуправляемая! Ее из «Динамо» месяц назад выгнали за строптивость, а у меня она всю дисциплину в группе разлагает. Зачем она тебе?

— Для результата, — коротко ответил я и поправил секундомер в кармане. — Переводите в мою группу с сегодняшнего дня. Под мою личную ответственность.

Завуч махнула рукой, словно отмахиваясь от назойливой мухи:

— Да забирай ради бога! Только смотри, Громов: если через месяц она у тебя на городских прокатах опять цирк устроит и завалит обязательные фигуры — пойдешь вслед за ней. На завод, к станку!

Она развернулась и, тяжело ступая, пошла к выходу со льда.

Я же оттолкнулся от бортика и плавно заскользил в дальний угол катка, навстречу худой девчонке в растянутом свитере, которая как раз заходила на новый разгон. В голове уже складывался четкий, холодный план. Мне плевать на методички пятьдесят шестого года. Через пару лет мир узнает, что такое настоящее советское женское одиночное катание.

Глава 2. Советский быт и «группа здоровья»

Я подъехал к дальнему бортику, бесшумно затормозив в паре метров от девчонки. Она как раз встряхнула головой, поправляя съехавшую на глаза вязаную шапочку с помпоном, и снова приготовилась бежать вдоль борта.

— Стоять, Морозова, — негромко, но так, чтобы мой голос перекрыл гул вентиляции, сказал я.

Девчонка вздрогнула и резко обернулась. Увидев меня, она тут же набычилась, втянув голову в плечи, словно ожидая привычной взбучки. Вблизи она оказалась совсем худющей — одни острые коленки, длинные руки и огромные, колючие серые глаза на бледном, покрытом легким румянцем лице.

— Чего вам, Виктор Сергеевич? — буркнула она, глядя себе под лезвия. — Я никому не мешала. Там за воротами пусто было.

— Я не ругаться пришел, — спокойно ответил я и кивнул на ее правый конек. — Покажи ботинок.

Она с подозрением покосилась на меня, но ногу приподняла. Я присел на корточки прямо на лед и пощупал кожу у щиколотки. Ботинок гнулся пальцами, как старая тряпка. Никакой фиксации голеностопа. Прыгать тройные в такой обуви — всё равно что бегать марафон в домашних тапочках. Удивительно, как она еще ноги себе не переломала на приземлении.

— И давно ты этот тулуп крутишь? — спросил я, поднимаясь.

— С лета, — тихо ответила она, и в голосе прорезалась упрямая гордость. — В «Динамо» тренер сказала, что мне рано, что сначала надо второй разряд по «школе» закрыть. А мне скучно эти круги возить! Я хочу прыгать!

— Прыгать, значит, хочешь… — я прищурился, оценивая ее взгляд. В этом взгляде горел тот самый злой, голодный до побед огонь, который я за сорок лет работы научился отличать с первого взгляда. Таких детей не надо заставлять пахать — их нужно только правильно направить и вовремя придержать, чтобы не угробили себя раньше срока. — С сегодняшнего дня ты в моей группе. Антонина Павловна тебя перевела.

Девчонка побледнела.

— В группу здоровья?! — выдохнула она с таким ужасом, словно я приговорил ее к расстрелу. — К малявкам?! Не пойду! Я лучше вообще коньки брошу!

— Рот закрой и слушай старших, — отрезал я жестко, без крика, но с тем холодным металлом в голосе, от которого в свое время по струнке вытягивались даже олимпийские чемпионки. Морозова осеклась и вскинула на меня глаза. — В группе здоровья ты будешь числиться только на бумаге, чтобы завуч отстала. Работать будем по другой программе. Но с одним условием: делаешь только то, что я говорю. Никакой самодеятельности и никаких прыжков без разминки. Понятно?

Она сглотнула, несколько секунд сверлила меня недоверчивым взглядом, а потом коротко кивнула:

— Понятно, Виктор Сергеевич.

— Вот и отлично. Сейчас дуй в раздевалку, сними коньки и сиди там, жди меня. После тренировки поговорим серьезно.

Морозова молча развернулась и покатила к выходу со льда, а я обернулся к центру поля, где уже высыпала на лед моя основная «армия» — пятнадцать малышей семи-восьми лет в пушистых шубках, рейтузах и шапках на резинке.

Следующий час стал для меня настоящей машиной времени.

Я гонял пацанов и девчонок по кругу, заставляя держать спину, работать коленом и делать простейшие «фонарики» и «елочки». Тело Виктора Громова само подсказывало при-

вычные команды, а мой собственный опыт подсказывал, как превратить скучную советскую разминку в игру. Вместо нудного стояния на одном месте я устроил им эстафету на скорость скольжения, от которой через двадцать минут у детей горели щеки, а с трибун с удивлением поглядывали родители.

Когда время льда вышло и дядя Вася выгнал на поле громыхающую заливочную машину, я отправил малышей переодеваться, а сам зашел в пустую женскую раздевалку для старших групп.

Морозова сидела на самой дальней скамейке, сжимая в руках свой потертый дерматиновый баул.

— Как зовут-то тебя полностью? — спросил я, присаживаясь напротив. — А то в журнале только фамилия.

— Катя, — буркнула она. — Екатерина Морозова.

— Сколько полных лет, Катя?

— Тринадцать. В декабре четырнадцать будет.

Я мысленно прикинул расклад. Тринадцать лет. По меркам 1978 года — уже почти юниорка, хотя по моим стандартам XXI века это самый золотой возраст, когда тело еще легкое, координация на пике, а голова уже начинает соображать. До Олимпиады в Сараево в восемьдесят четвертом году ей будет восемнадцать с половиной. Идеально. Просто идеально.

— Кто родители? Где живешь? — продолжил я допрос.

— Тут рядом, на Волжском бульваре. Мама на заводе в бухгалтерии работает, папа — слесарь-сборщик на АЗЛК.

— Завтра в воскресенье тренировок нет, — сказал я, поднимаясь. — В понедельник в шесть вечера приходишь сюда вместе с мамой или папой. Я с ними поговорю. Без их согласия я с тобой заниматься не буду.

— А они меня не заберут? — насторожилась Катя. — Мама и так говорит, что от этих коньков одни расходы и двойки по алгебре.

— Это уже моя забота, — усмехнулся я. — Иди домой, Катя. И ноги в горячей воде сегодня подержи, ты на правый голеностоп приземлялась жестко, завтра ныть будет.

Девчонка удивленно моргнула — видимо, раньше никто из тренеров не интересовался, что у нее болит после падений, — тихо попрощалась и выскочила за дверь.

Домой я добирался пешком, и эта двадцатиминутная прогулка по вечерним Текстильщикам окончательно расставила всё по местам.

Москва конца семидесятых дышала совсем иначе. Широкие проспекты, по которым редко проезжали пузатые «Волги», «Москвичи» и желтые «Икарусы». Никакой рекламы, никаких ярких витрин — только строгие неоновые вывески «Гастроном», «Овощи — Фрукты» и «Спорттовары». Воздух пах жженой листвой, выхлопом старого бензина и свежеиспеченным хлебом из булочной на углу. Прохожие шли не торопясь, в одинаковых драповых пальто и болоньевых куртках, с авоськами в руках.

Я свернул во двор пятиэтажной кирпичной хрущевки, нашел нужный подъезд и поднялся на четвертый этаж. Ключ в кармане оказался один — старый, плоский, от английского замка.

Квартира Виктора Громова встретила меня спартанской чистотой и скромным советским уютом. Крошечная прихожая, шестиметровая кухня с пузатым холодильником «ЗИЛ» и газовой плитой, а в единственной комнате — полированный сервант, узкий диван-кровать, письменный стол и стопка спортивных журналов «Физкультура и спорт» на тумбочке.

Я первым делом провел ревизию в кошельке и в ящике стола. В бумажнике лежало сорок три рубля, а в книге под обложкой «Теории и методики физического воспитания» обнаружилась заначка — еще сто двадцать рублей хрустящими синими пятерками и зелеными трешками. Зарплата детского тренера на заводском катке была небольшой — рублей сто десять в месяц, так что жил прежний Громов скромно, но без долгов.

Я заварил на кухне крепкий индийский чай в граненом стакане с мельхиоровым подстаканником, достал из холодильника кусок докторской колбасы, батон и сел за стол.

Нужно было трезво оценить ситуацию.

Я — в 1978 году. Денег в обрез, связей в Спорткомитете нет, работаю на окраинном ведомственном катке под началом упертой тетки, которая считает тройные прыжки вредной блажью. В активе у меня только молодое, сильное тело, тридцать лет тренерского опыта из будущего и одна худая, злая на весь мир девчонка на разбитых коньках.

Но у меня есть то, чего нет ни у одного тренера в мире. Я знаю, куда пойдет фигурное катание. Я знаю современную биомеханику прыжка — как работает ось вращения, как выносить маховую ногу, как ставить корпус на заходах, чтобы сэкономить силы и выкрутить три, а то и четыре оборота без надрыва. Я знаю систему скольжения, современные вращения со сменой ребра и позиции, которые в 1978 году судьи примут за волшебство.

А еще я знаю, что до первых городских контрольных прокатов осталось меньше месяца. Если Катя провалится там, Антонина Павловна сдержит слово и вышвырнет нас обоих с катка.

Я допил горячий чай, достал из ящика стола чистую общую тетрадь в клеточку и чернильную авторучку. На первой странице я крупно вывел: **«План подготовки. Сезон 1978–1979»**.

Пора было начинать ломать историю.

Глава 3. Алмаз в грязи

В понедельник ровно без пяти шесть у входа в тренерскую нарисовалась Катя. Рядом с ней стояла невысокая худенькая женщина в темно-синем драповом пальто с потертым цигейковым воротником и пуховом платке. Лицо у нее было усталое, с тонкими морщинками у глаз, а взгляд — настороженный и немного виноватый, как у человека, которого вызвали в школу к директору.

— Здравствуйте, — тихо сказала женщина. — Я Валентина Петровна, Катина мама. Она сказала, вы звали…

— Проходите, Валентина Петровна, присаживайтесь, — я распахнул дверь каморки и придвинул единственный приличный стул без сломанной ножки. — Катя, а ты пока иди в зал хореографии, потянись у станка минут пятнадцать. Разминка без лени, я проверю.

Девчонка бросила на мать быстрый, тревожный взгляд и молча выскользнула за дверь.

Валентина Петровна присела на краешек стула, сцепив на коленях натруженные пальцы.

— Виктор Сергеевич, если она опять что-то натворила или надерзила старшему тренеру, вы так сразу и скажите, — заговорила она с тихой, обреченной усталостью. — Я ей еще летом говорила: хватит, накаталась. Из «Динамо» нас попросили, здесь Антонина Павловна каждый раз выговаривает, что девчонка несерьезная, все ей не так. А у нас в семье, сами понимаете, лишних денег нет. Муж на конвейере смену отстоит — спина не разгибается, я в расчетном отделе дотемна сижу. Нам бы ей школу нормально закончить, в техникум поступить…

Я молча выслушал ее, облокотившись на край стола. Знакомая картина. В конце семидесятых большой спорт в СССР держался на энтузиазме родителей, а если семья простая, рабочая, ребенка при первой же неудаче забирали из секции — «не до глупостей, профессию надо получать».

— Валентина Петровна, — спокойно сказал я, глядя ей прямо в глаза. — Ваша дочь не «непослушная». У нее редчайший природный дар. Вчера на моих глазах она скрутила тройной прыжок на разбитом льду и в ботинках, в которых впору только по парку в выходной гулять. Таких девочек в Москве — единицы.

Женщина недоверчиво покачала головой:

— Да ну что вы, Виктор Сергеевич… В «Динамо» заслуженный тренер сказала, что у Катьки ни пластики, ни фигуры для льда. Одни кости да упрямство.

— В «Динамо» смотрят по старым лекалам, — жестко отрезал я. — Они там балерин на лед ставят, а фигурное катание меняется. Скоро побеждать будут те, кто умеет летать. Я хочу забрать Катю в свою группу и готовить ее к первенству города, а дальше — к сборной.

Валентина Петровна растерянно моргнула, потом тяжело вздохнула:

— А учеба? У нее по алгебре и физике тройки еле-еле. И коньки… Новые «Ботасы» с рук сто двадцать рублей стоят, где ж нам такие деньги взять?

— С учебой вопрос решим просто, — я сложил руки на груди. — После каждой тренировки она будет приносить мне дневник. Будет хоть одна тройка за неделю — на лед не выйдет, посажу прямо здесь за учебники, сам буду задачи проверять. А вопрос с коньками и костюмами я беру на себя. От вас требуется только одно: не мешать и доверять мне до весны. Если к апрелю Катя не войдет в призеры Москвы — я сам приду к вам и скажу, что ошибся.

Мать долго смотрела на меня, словно пытаясь понять, в чем подвох. В советское время тренеры редко брали на себя расходы за чужих детей. Наконец она медленно кивнула:

— Хорошо, Виктор Сергеевич. До весны. Но если двойки пойдут — коньки сразу на гвоздь повешу.

Через двадцать минут мы с Катей вышли на пустой вечерний лед. Основная группа малышей уже разошлась, и у нас в распоряжении был целый час до заливки.

— Ну, показывай всё, что умеешь, — сказал я, вставая у центрального круга с секундомером в руке. — Проедь пару кругов, сделай вращение и те прыжки, которые в «Динамо» учила. Без спешки.

Катя кивнула, оттолкнулась и пошла по кругу.

Я смотрел внимательно, отмечая каждую мелочь профессиональным взглядом. Скольжение у нее было грязноватым — сказывалась нехватка базовой постановки стопы и тупые, сточенные лезвия. Вращение в волчке она сделала неплохо, но ось заваливала влево, теряя скорость на пятом обороте. Зато когда она пошла в прыжки — двойной аксель, тройной сальхов и тот самый тройной тулуп — у меня внутри всё запело.

У девчонки была феноменальная резкость. Взрывной толчок, идеальная координация в воздухе и полное отсутствие страха перед высотой. Она не «докручивала» обороты за счет плеч, как это делали почти все фигуристки семидесятых, а собиралась в струну мгновенно, словно пружина.

— Хватит, подъезжай сюда, — позвал я, когда она закончила связку.

Катя подкатила, тяжело дыша, раскрасневшаяся, с горящими глазами.

— Ну как, Виктор Сергеевич? Правда ведь, могу?

— Можешь, — кивнул я. — Но сейчас всё это — сырой материал. Ты заходишь на тулуп с широкой дуги, теряешь половину скорости перед стопором. Руки на входе болтаются, из-за этого тебя в воздухе сносит с оси. И самое главное — твои коньки.

Я присел и указал пальцем на правый ботинок. После сегодняшних прыжков на коже у щиколотки пошла глубокая поперечная складка, а каблук с внутренней стороны начал отслаиваться от подошвы.

— Еще два-три таких приземления — и ты просто сломаешь голеностоп, — сухо констатировал я. — На этих развалюхах прыгать тройные я тебе запрещаю. До конца недели работаем только над скольжением, дугами, обязательными фигурами и ОФП на полу.

Катя поникла, губы ее обиженно дрогнули:

— Опять круги возить? Виктор Сергеевич, ну я же не могу…

— Сможешь, — отрезал я. — Хочешь побеждать — научишься делать то, что нужно, а не только то, что хочется. Сегодня на тренировке будем ставить правильный заход без прыжка — только вылет и группировка на полу. Пошли в зал, хватит лед топтать.

Следующие сорок минут в тесном хореографическом зале стали для Кати настоящим открытием. Я не стал гонять ее по скучным балетным позициям у станка, как это делали в «Динамо». Вместо этого я показал ей комплекс специальной прыжковой имитации из XXI века: работу на резине, резкие скручивания корпуса с фиксацией оси, правильную постановку стопы при отталкивании и упражнения на взрывную силу кора.

Катя пыхтела, обливалась потом, поначалу путалась в непривычных движениях, но схватывала всё на лету. Через полчаса у нее уже горели глаза — она физически почувствовала, насколько легче и быстрее собирается тело в воздухе, если убрать лишние взмахи руками.

Отправив вымотанную, но довольную ученицу домой, я вернулся в тренерскую, переоделся и достал из стола свою тетрадь со списком контактов прежнего Виктора Громова.

Проблема стояла ребром. Без нормальных ботинок и лезвий мы далеко не уедем. В обычном «Спорттоварах» на Ленинском проспекте лежат только дубовые советские «Снегурочки» или дешевые «Динамо», на которых даже двойной прыжок скрутить — подвиг. Нам нужны чехословацкие «Ботасы» со сменными лезвиями «Мк-4» или, в идеале, швейцарские «Графы».

В 1978 году в Москве такое добро можно было достать только двумя путями: через склад сборной СССР (куда меня на пушечный выстрел не подпустят) или через правильных людей у «Лужников» и «Березки».

Я пробежал глазами исписанные мелким почерком страницы записной книжки и остановился на одной фамилии, обведенной кружком: *«Костя Седой. Лужники. Любой дефи-*

щит». Память прежнего Громова услужливо подкинула образ — бывший конькобежец, который после дисквалификации ушел в фарцовку и одевал половину московских сборников в импортную экипировку.

Я сунул в карман сто двадцать рублей из заначки и вышел из катка в холодный октябрьский вечер. Пора было знакомиться с теневой экономикой Советского Союза.

Глава 4. Уговор и разведка боем

Вторник выдался промозглым. С утра зарядил мелкий осенний дождь со снегом, превративший асфальт у метро «Спортивная» в серую ледяную кашу. Я плотнее запахнул драповое пальто, поднял воротник и неспешным шагом направился в сторону Малой спортивной арены «Лужников».

Нужный мне человек нашелся у дальней кассы со стороны набережной. Костя Седой полностью оправдывал свое прозвище: крепкий мужик лет тридцати пяти в добротной дубленке, ондатровой шапке и модных импортных джинсах, с густой серебряной сединой на висках. В руках он крутил связку ключей от новеньких «Жигулей», стоявших неподалеку.

Увидев меня, Костя прищурился, на секунду задумался, а затем широко ухмыльнулся:

— Опаньки! Витя Громов? Живой, курилка! А мне тут на неделе пели, что тебя в Текстильщики сослали, сопливых дошколят за ручку водить. По какому делу в наши края?

— Привет, Костя, — я пожал ему крепкую, холодную ладонь. — По делу. Коньки нужны. Женские, тридцать шестой с половиной размер. Желательно «Графы» или хотя бы жесткие «Ботасы» со сменными лезвиями «Мк-4».

Седой присвистнул, качнувшись с пятки на носок:

— Губа не дура, Витя. «Графы» сейчас даже сборникам через Спорткомитет со скрипом выдают, а ты на свой заводской каток просишь. На кой они тебе? Сам на женские пересел?

— Девчонку одну нашел, — коротко ответил я. — Самородок. На старых развалюхах тройной тулуп крутит, еще неделя — и ноги переломает. Выручай, Костя.

Фарцовщик почесал затылок, сдвинув ондатровую шапку на лоб:

— Значит, так, Витя. «Графов» тридцать шестого сейчас нет — в пятницу последнюю пару для ленинградских забрали. Есть чехословацкие «Ботасы-Супер», белые, кожа толстая, как броня, шнуровка усиленная. И лезвия к ним шведские, «Вилсон» — почти нулевые, сборы один раз откатали и в запас списали. Но цена, сам понимаешь… Сто восемьдесят рублей за комплект.

У меня в кармане лежало ровно сто тридцать пять. Еще тридцатка оставалась дома на еду до аванса. Не хватало сорока пяти рублей — для детского тренера в 1978 году сумма серьезная.

— Сто тридцать, Костя, — твердо сказал я, глядя ему в глаза. — Больше просто нет. По-свойски, по старой памяти.

Седой поморщился, глядя в сторону набережной, но тут же махнул рукой:

— Ладно, черт с тобой, Громов. Помню, как ты мне в семьдесят втором колено после падения затейпировал, когда врачи хотели в гипс закатать. Забирай за сто тридцать пять, только без сдачи. Пошли к машине, в багажнике лежат.

Через десять минут я уже шагал обратно к метро, прижимая к груди тяжелую картонную коробку, перевязанную бечевкой. Внутри лежали белоснежные, пахнущие свежей кожей и заводской смазкой ботинки с блестящими хромированными лезвиями. По меркам 1978 года — настоящее сокровище.

На каток я вернулся за полчаса до вечерней тренировки. Первым делом заглянул к заливщику дяде Васе, попросил наждачный брусок и тонкий надфиль — станок для заточки в «Москвиче» был допотопный, с кривым кругом, на таком новые «Вилсоны» можно было только угробить. Пришлось править желобок вручную, благо руки за сорок лет работы научились чувствовать металл не хуже любого мастера.

Когда в тренерскую постучала Катя, лезвия уже блестели как бритва.

— Проходи, Морозова. Примеряй, — кивнул я на коробку, стоящую на диване.

Катя замерла на пороге, уставившись на белые ботинки с таким благоговейным ужасом, словно перед ней открыли сундук с царскими драгоценностями.

— Это… мне? — шепотом спросила она, не решаясь подойти ближе. — Виктор Сергеевич, они же импортные! Настоящие «Ботасы»!

— Настоящие, — усмехнулся я. — Надевай, шнуруй плотно, особенно в подъеме, а верхние два крючка оставь чуть свободнее, чтобы голеностоп гнулся. Выходим на лед.

Через десять минут мы стояли у бортика. Катя осторожно переступала с ноги на ногу, боясь даже поцарапать идеальный белый глянец о деревянный настил. Но стоило ей шагнуть на лед — и девчонка преобразилась.

Новые лезвия впились в лед с сухим, уверенным шелестом. Никакого проскальзывания, никакой болтанки.

— Поехала! — скомандовал я. — Два круга подсечкой на максимальной скорости, потом разминка на дугах. И смотри на корпус — плечи не задирать!

Следующий час стал для меня настоящим удовольствием. В жестких ботинках Катя словно сбросила с ног гири. Скорость выросла в полтора раза, дуги стали глубокими и чистыми, а когда я разрешил ей сделать пробный заход на тройной тулуп по новой, укороченной схеме без лишнего замаха руками — она взлетела вверх как пружина и приземлилась чисто, в глубокий выезд, без малейшего намека на потерю равновесия.

— Есть! — вырвалось у нее звонкое, счастливое, на весь пустой каток.

Но радость длилась недолго. Скрипнула калитка у трибун, и на лед, тяжело ступая в валенках, вышла старший тренер Антонина Павловна Кравцова. Лицо у нее было багровым, а в руках она сжимала какой-то серый бланк.

— Громов! А ну-ка подъедь сюда! — рявкнула она так, что эхо прокатилось под потолком.

Я спокойно подкатил к бортику, заложив руки за спину.

— Слушаю вас, Антонина Павловна.

— Ты что творишь?! — завуч ткнула пальцем в сторону Кати. — Я только что из горспорткомитета вернулась. Пришло положение о ноябрьских контрольных прокатах Москвы. До старта — двадцать четыре дня! А у твоей Морозовой до сих пор даже обязательные фигуры первого юношеского разряда не обкатаны! Ты ее зачем на прыжки гоняешь?!

— Потому что в произвольной программе без тройных ей в призы не попасть, — ровно ответил я. — А «школу» мы подтянем за оставшиеся три недели.

— Не подтянете! — отрезала Кравцова, зло сверкнув глазами. — На прокатах судьи сначала смотрят «школу». Завалит круги — до произвольной ее вообще не допустят, снимут с дистанции за профнепригодность! И запомни, Виктор Сергеевич: если Морозова на городских прокатах опозорит наш каток, я в тот же день подпишу приказ о твоем увольнении по статье за несоответствие должности. А девчонку в секцию больше на пушечный выстрел не пущу!

Она развернулась и ушла, громко хлопнув дверью раздевалки.

Катя подъехала ко мне, испуганно глядя вслед завучу. Вся ее недавняя радость от новых коньков мгновенно испарилась.

— Виктор Сергеевич… Правда, что ли? Если я «школу» завалю, меня выгонят?

Я посмотрел на притихшую ученицу, затем перевел взгляд на пустое ледовое поле. До контрольных прокатов оставалось чуть больше трех недель. За это время научить человека идеально чертить на льду сложные «параграфы» и «петли» по старым методикам было почти нереально. Почти.

Если только не использовать один прием из XXI века, о котором в 1978 году еще никто не догадывался.

— Не выгонят, Катя, — твердо сказал я, поправляя секундомер в кармане. — Завтра с утра начинаем работать по новой схеме. Будем обманывать геометрию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.